Гости «Известий»

Известия 19 АПР 1983 г. Москва

ИСКУССТВО, СОЗВУЧНОЕ ВРЕМЕНИ

В ТЕАТРЕ с улыбкой говорят, что есть три момента в жизни актера, когда он считает себя гениальным: один — когда поступил учиться, другой — когда закончил институт, и третий — когда только пришел в театр. Об этом мы вспомнили во время разговора с народным артистом РСФСР, известным актером театра и кино Леонидом Васильевичем Марковым.

— Что-то подобное было и со мной в молодости,— сказал он.— Когда я поступил в студию при Театре имени Ленинского комсомола, которым руководил И. Берсенев, я чувствовал себя, ну, по крайней мере, народным артистом. Затем, когда приступил к работе в том же театре, понял, что нет, я не народный, я, может, заслуженный. А вот когда мне пришлось спустя некоторое время перейти в Театр имени А. С. Пушкина, где главным режиссером тогда был талантливый и, я бы сказал, сложный режиссер Б. Равенских, мне стало казаться, что я ничего не умею и вообще — может, стоит поменять профессию?..

— Однако этого не произошло, и вы перешли в третий театр — имени Моссовета, где работаете вот уже восемнадцать лет. И как же изменилась ваша творческая судьба?

— Раньше я был худощав, черты лица резкие... в общем, было во мне что-то такое, что заставляло режиссеров поручать мне роли отрицательных героев. В Театре имени Моссовета мне стали доверять играть и положительных, а моя работа в роли председателя укома в «Шторме» уже была тепло принята и публикой и прессой.

— Вообще-то роль эта в предыдущих постановках была малозаметной...

— Знаете, мне всегда хочется, чтобы в самой маленькой эпизодической роли зритель видел бы человека с биографией, то есть за ним бы стояла вся его жизнь. И тогда образ, казалось бы, проходящий, обретает значительность. Актерское искусство, как никакое другое, опирается на время, а точнее — на зрителя, на сегодняшнего человека, который всегда — сотворец этого искусства. И честное слово, мне трудно согласиться с теми, кто упрекает меня, что я играю Федора Протасова в «Живом трупе» не так, как Николай Симонов, Иван Берсенев или Михаил Романов из Киева... Во-первых, я актер Марков, а во-вторых, и те замечательные актеры сегодня играли бы эту роль, наверняка, по-другому, в согласии с нынешним временем...

— Леонид Васильевич, вот вы говорите, что в Театре имени Моссовета стали играть положительные роли...

— Простите, но это не совсем точно. Как не совсем точно делить роли на положительные и отрицательные. Помните, еще Станиславский говорил, что актер даже в подлеце должен искать что-то хорошее. То есть должен создавать образ многогранный, образ живого человека. Вот такую сложность характера мне и хотелось передать в Порфирии Петровиче в «Петербургских сновидениях» по Достоевскому, Арбенине в «Маскараде», Прибыткове в «Последней жертве», Шилове в «Превышении власти»...

— У вас довольно удачно сложилась судьба в театре.

— Что интересно — сложилась она так, как я спланировал ее, еще будучи совсем мальчишкой, в студии. Тогда я решил, что должен сыграть Арбенина, Протасова и Сирано де Бержерака. Это такие вехи на творческом пути... Мечта осуществилась.

Кроме Сирано. Эта роль уже, как говорится, ушла. Возраст не позволяет обратиться к ней... Впрочем, за мое пребывание на сцене я ни разу не играл ни Шекспира, ни Шиллера; Островского — один раз, Чехова — один раз... А хотелось бы...

— Леонид Васильевич, а как складывалась ваша судьба в кино?

— Гораздо сложнее, чем в театре. Одно время, после моей роли председателя укома, в кино мне предлагали много ролей руководителей предприятий, учреждений, колхозов. Немало было среди них слабых, схематичных. А меня интересуют характеры сложные. И поэтому с удовольствием работал над ролью Гасилова в многосерийном телевизионном фильме «И это все о нем», Урбенина в картине «Мой нежный и ласковый зверь».

Однажды я подсчитал, и оказалось, что девяносто пять процентов моих героев по ходу спектакля или фильма погибают. Это меня поначалу удивило, а потом я понял — меня привлекает в человеке трагическое, борьба, столкновение характеров. Мне близки люди цельные, сильные и даже своей смертью утверждающие жизнь. Конечно, кино не театр. Не ты выбираешь роль, а тебя выбирают на роль. И часто то, что тебе хотелось бы сыграть, играют другие. Тут уж ничего не поделаешь...

— А что вы скажете о последних своих работах?

— На «Ленфильме» я снялся в двух картинах. В фильме «Семь часов до гибели» я играю роль капитана ледокола, а в новой экранизации «Острова сокровищ», не так давно прошедшем на телевизионном экране,— пирата Билли Бонса. В телевизионном фильме «Солнечный ветер» — я профессор.

— А в театре?

— Здесь мне представилась возможность встретиться с одной из интереснейших ролей русской и советской драматургии—с горьковским Егором Булычовым.

Г. НЕСТЕРОВ.

Фото Ю. Инякина.